

Когда Шан Сяохань ломал дверь и разбивал вещи, она пряталась в спальне, не решаясь выйти, и с ужасом обнаружила, что в груди поднимается странное чувство удовлетворения. Она радовалась, что Чэнь Чжэнь и Шан Юньюнь получили наказание?!

Казалось, что дочери нельзя так думать, но она не могла сопротивляться своему ожиданию, ожиданию того, что Шан Сяохань будет действовать еще жестче. Когда стук в дверь прекратился, она даже почувствовала разочарование.

Теперь, когда Чэнь Чжэнь обрушила на нее свой гнев, она, кружась по комнате, вытерла слезы и вдруг открыла дверь, сказав что-то, что удивило ее саму. Она спросила Шан Сяоханя, который мрачно стоял в коридоре:

— Ты еще не ел? Хочешь, я приготовлю тебе жареный рис?

Шан Сяохань с удивлением посмотрел на ее покрасневшие глаза. Его сводная сестра всегда держалась от него в стороне, и они оба понимали положение друг друга, поэтому старались не обращать внимания.

Но ведь Чэнь Чжэнь была ее родной матерью. Как она могла перевернуться на его сторону?

Однако сейчас самое важное было:

— Ты знаешь, кому они продали мои вещи?

Сказав первое предложение, дальше было легче. Пусть она выглядит как предательница, но Чэнь Хуэй решила, что в тринадцать лет она может сама решать свое будущее, и Шан Сяохань казался ей более надежным, чем мать.

— На свалку на улице Цзин-ци в Западном районе. Там дорого.

Учебники и конспекты хорошего ученика — жаль было выбрасывать их как макулатуру. Хитрый владелец, наверное, скопирует записи Шан Сяоханя и продаст их.

Шан Сяохань принял ее доброту и, наблюдая, как она моет руки на кухне и достает продукты из холодильника, не стал возражать, даже добавил:

— Без ветчины.

— Хорошо.

Чэнь Хуэй уже привыкла выполнять такие поручения от Чэнь Чжэнь. Она нашла остатки риса, нарезала овощи и разбила несколько яиц, приготовив порцию для себя и для Шан Сяоханя.

Чэнь Чжэнь, ругаясь в главной спальне, вдруг заметила, что снаружи стало тихо. Прижав ухо к двери, она не услышала никаких звуков. Шан Юньюнь уже рыдала, и ей пришлось позвонить слесарю.

Слесарь пришел быстро. Шан Сяохань, с синяками на лице, открыл дверь с угрожающим видом.

— Кто там?

Слесарь опешил.

— Мне сказали, что у вас заклинило замок в комнате?

— Ничего такого!

Шан Сяохань заблокировал дверь, не пуская слесаря внутрь. Его красивое лицо не вызывало страха, но синяки добавляли ему угрожающего вида.

В тишине ночи слесарь, стоя в слабо освещенном коридоре, увидел раздраженного подростка и решил не вмешиваться в семейные разборки. Вежливо отправив сообщение Чэнь Чжэнь, он ушел.

Он был зарегистрированным слесарем, и его обязанности не включали насильственное освобождение людей. Если ситуация обострится, пусть разбирается полиция.

Шан Сяохань захлопнул дверь и вернулся к столу, продолжая есть. По реакции охранников он понял, что может позволить себе немного своеволия. Он еще несовершеннолетний.

После смерти отца он стал главой семьи и неосознанно начал вести себя как взрослый, всегда обдумывая свои действия. Но на самом деле в этом не было необходимости. Пока он не переходил границы, он мог делать то, что приносило ему удовольствие.

Даже если он бунтовал против родителей дома, пока он никому не причинял вреда, его репутация не могла быть хуже, чем у тех, кто грабил детей в переулках.

Чэнь Чжэнь, получив сообщение от слесаря, чуть не сошла с ума. Она била по двери ногами.

— Шан Сяохань, ты смеешь держать меня в заточении! Чэнь Хуэй, ты что, мертвая? Открой дверь!

Шан Сяохань резко встал, заставив Чэнь Хуэй вздрогнуть, но он просто открыл холодильник, достал сок, который обычно давали Шан Юньюнь, налил по стакану себе и ей и сел продолжать есть.

Раньше Чэнь Чжэнь всегда говорила, чтобы он не отнимал еду у младшей сестры. Ему и самому не было важно, но теперь он хотел делать то, что причиняло Чэнь Чжэнь боль.

Чэнь Хуэй ела маленькими кусочками, глядя на спокойное лицо Шан Сяоханя, и наконец спросила:

— Надолго?

— Они не умрут с голоду, — Шан Сяохань поднял брови, его изящный подбородок слегка приподнялся. — Что? Хочешь за них просить?

Чэнь Хуэй машинально покачала головой, но потом вспомнила, что заперта ее мать, и опустила голову.

Шан Сяохань доел рис, посмотрел, как она заканчивает свою порцию, и пошел за ней на кухню, чтобы помыть посуду.

— Твоя мать — не лучший человек, ты это знаешь, да?

Чэнь Хуэй не могла ответить, только опустила голову, продолжая убирать со стола.

Шан Сяохань фыркнул.

— Я, Шан Сяохань, никогда никому не был должен. Мы выросли вместе, и твоя прописка все еще в моем доме. Ты больше похожа на сестру, чем Шан Юньюнь, хотя и не идеальная. Сегодняшнее я запомню.

Это было обещанием.

Чэнь Хуэй кивнула и убежала в свою спальню. Она всегда была робкой, и сегодняшние поступки были вызваны отчаянием и тем, что Чэнь Чжэнь была заперта. Если бы мать стояла перед ней, она бы не посмела сказать ни слова.

Шан Сяохань медленно подошел к двери главной спальни, взял стул и ударил по ней несколько раз.

— Ха, если не вернете мои вещи, умрите с голоду.

Это не испугало Чэнь Чжэнь. Если утром она не выйдет, то снова вызовет полицию, и тогда они точно придут. Но этого было достаточно, чтобы напугать Шан Юньюнь.

Действительно, Шан Юньюнь, уже обессиленная, снова зарыдала.

— Убийца! Мама, он хочет нас уморить голодом!

Уже поздно, и она проголодалась. Чем больше думала, тем сильнее хотела есть.

— Он не посмеет, не посмеет! Мама скоро что-нибудь придумает.

Чэнь Чжэнь, стоя на коленях, утешала дочь. Теперь, когда Шан Чэн умер, она стала еще больше любить Шан Юньюнь.

Это не имело никакого отношения к памяти о муже. Все, что она делала, было для себя. Она уже не была в том возрасте, когда можно легко выйти замуж и родить ребенка. В случае нового брака ей пришлось бы делить пенсию и переезжать из этого большого дома, и жизнь, скорее всего, стала бы хуже.

Иметь жилье, деньги и думать только о старости. Она знала, что плохо обращается с Чэнь Хуэй, а на пасынка и вовсе не рассчитывала. Осталась только младшая дочь.

Возможно, она не осознавала этого, но ее поведение полностью отражало ее инстинкты.

Шан Сяохань, напугав их, вернулся в свою спальню, умылся, заткнул уши и лег спать. Самое важное было завтра встретить доброго брата и продолжить учебу. Нужно было хорошо отдохнуть.

Ци Цзиншэн не знал о ночных проблемах Шан Сяоханя. Он нашел свои старые расписания, подготовил кучу материалов и рано лег спать.

В час ночи управляющий Чэнь Лэ лично приехал в Академию Юньтай, разбудил дежурного и забрал его в усадьбу Шэньюань.

Ци Цзиншэн не помнил, что происходило в это время в прошлой жизни, и только в машине нашел время спросить:

— Что случилось дома?

Чэнь Лэ, осторожно спускаясь по горной дороге, кратко объяснил.

Днем Ци Цзиньян поперхнулся молоком, начал кашлять, потом вспотел, а к вечеру у него поднялась температура.

После осмотра врача Ань Хуэй, увидев, что он успокоился, с болью в сердце пошла в храм предков, чтобы зажечь благовония.

Знатные семьи имели свои традиции и верили, что предки, ушедшие на небо, охраняют дом. Вскоре после рождения ребенка они просили нефрит успокоения души и помещали его перед предками, чтобы те защищали его. Если ребенок болел, они молились предкам о защите.

Только что она зажгла благовоние, как нефрит Ци Цзиншэна заколебался, упал и покатился по длинному свитку с молитвами, на котором Ци Минъюн написал свои пожелания для детей семьи на Новый год. Тема была «Почитание старших и забота о младших».

Чэнь Лэ, конечно, не рассказывал всех этих деталей. Его объяснение было официальным:

— Второй молодой господин заболел, госпожа очень переживает. Господин уехал на инспекцию на другую планету. Вы уже почти взрослый, и ваше присутствие дома придаст уверенности всем.

Ха, это звучало так, как будто в усадьбе Шэньюань не было других взрослых мужчин из семьи. Хотя бы дядя Ци Минжун был всегда рядом. Ребенок только что заболел несколько часов назад, и до момента, когда нужен был «главный», было далеко.

В то же время Ци Цзиншэн был насторожен. В этой жизни он не так активно приближался к Ци Цзиньяну, как в прошлый раз, и никто не должен был заметить, что Ци Цзиньян чувствовал себя лучше в его силовом поле.

Он вспомнил свои действия за последние месяцы. В первые несколько месяцев, когда его тело еще не изменилось, Ань Хуэй была на послеродовом отдыхе, а он участвовал в школьной поездке, поэтому редко бывал рядом с Ци Цзиньяном.

<http://bllate.org/book/17699/1652350>